

СЕЛО ИВАНОВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ МАНУФАКТУР

Крестьянское ткачество, торговля и набойное дело. Во второй половине XVIII в. в хозяйственной жизни России произошли значительные изменения. Заметно сказывалось развитие новых производительных сил; произошёл дальнейший рост мелкого товарного производства и перерастание его в мануфактуру. Наряду с дворянскими вотчинными предприятиями, где в основном применялся крепостной труд, стали возникать купеческие и крестьянские мануфактуры, на которых работали наёмные рабочие, являвшиеся крепостными, отпущенными на оброк.

Применение наёмного труда не носило ещё широкого размаха. Разбогатевшие крестьяне – владельцы мануфактур, должны были прибегать к найму рабочих, так как сами не имели права владеть крепостными, поскольку они тоже находились в крепостной зависимости от помещика. Наёмный труд был гораздо производительнее принудительного, и поэтому купеческие и крестьянские мануфактуры успешно конкурировали с дворянскими. Владельцы их часто наживали значительные состояния на эксплуатации труда «рабочих людей», как называли тогда рабочих, и, разбогатев, выкупались на волю. Так постепенно из верхушки крепостного крестьянства стала формироваться буржуазия.

Рабочие на крестьянских мануфактурах по-прежнему выполняли феодальные повинности в пользу помещика, но по отношению к «капиталистому» крестьянину, владевшему мануфактурой, являлись наёмными. Они несли на себе двойной гнёт – помещика и хозяина мануфактуры.

В России второй половины XVIII в. феодально-крепостнические формы хозяйства тесно переплетались со вновь возникающими – капиталистическими. Новые производительные силы вступали в противоречие со старыми производственными отношениями и способствовали разложению феодально-крепостнической системы, что привело её в дальнейшем к кризису и неизбежному падению.

Царское правительство всячески стремилось укрепить феодальную собственность, защищало интересы дворянства от конкуренции нарождавшейся буржуазии, издавая ряд соответствующих указов, но феодально-крепостнический строй мог лишь замедлить ход исторического развития, но изменить и остановить рост капиталистических отношений было невозможно.

В конце XVIII в. в России существовали 2300 промышленных предприятий, из них около 1000–1200 крупных (с числом рабочих не менее 16 человек). Всероссийское значение получила промышленность сёл Павлова (в Нижегородской губернии), Иванова (во Владимирской губернии) и других.¹

Крестьянская промышленность села Иванова – как льноткачество, так и набойное дело – в это время достигла широкого развития, а земледелие по-прежнему играло незначительную роль. В описании окрестных сёл города Суздаля, относящемся к XVIII столетию, село Иваново охарактеризовано следующим образом: «...От села Кохмы в полночь (к северу), расстоянием вёрст с восемь, есть село Иваново Черкасских князей, а ныне за графом Шереметевым, село селением велико и пространно, и строением богато, хотя и деревянные дома, но вёсьма изрядных много, обыватели больше торговые, а пахотных малое число в селе... В том селе Иванове... у обывателей имеются фабрики полотняные, на которых штуки разные ткут, канифасы, салфетки и прочие тем подобные, и не токмо на фабриках, но и кроме их полотна знатные состроают и белят, которые полотна и в других местах честь имеют, и множество тех полотен отвозят торговые по разным сторонам».²

О широкой торговле и промыслах Иванова говорят «наказы» горожан Шуи и Суздаля в Екатерининскую комиссию 1767 г. по составлению нового Уложения. В сёлах Суздальского уезда, в том числе Иванове, происходят недельные торги (в Иванове они бывают по четвергам), на которые бывает большой съезд. «Крестьяне торгуют и на ярмарках покупают на значительную сумму холстов, пестряди, сукна, понитка и отвозят большими стаями к портам и в сибирские города и в прочие отдалённые города и ярмарки...»³

В документе имеются указания на скупку ивановскими торговцами крестьянского холста и поставку его на ситценабивную фабрику Лимана в Шлиссельбург. С сентября 1766 г. по январь 1767 г. Лиман заключил следующие сделки на поставку для своей фабрики: с ивановским купцом В. Гарелиным на 7766 арш. холста по 12 коп. за аршин и на 5800 арш. по 10 $\frac{1}{2}$ коп.; с ивановским купцом С. Кучновым на 160 $\frac{1}{4}$ арш. холста шириною $\frac{1}{2}$ арш. по 16 коп. за аршин.⁴ «Купцами» в документах, очевидно, названы ивановские крепостные крестьяне – торговцы-скупщики.

Развитию крестьянской промышленности в 40–50-е гг. XVIII в. препятствовала правительственная политика того времени. Это были годы развития привилегий и монополий в промышленности и вместе с тем наибольшего ограничения прав крестьян на занятия торговлей и промышленностью. Указ 1745 г. безусловно запрещал крестьянам торговлю в селениях, расположенных вблизи города, а крестьянскому населению «знатных», т. е. крупных сёл и деревень, лежащих «по большим дорогам», разрешалась мелочная торговля определёнными товарами только деревенского спроса. Торговый устав 1755 г. подтвердил эти ограничения. Правительство фактически отменило действие указа 1723 г. о праве всех желающих заниматься промышленностью.⁵

Без правительственного указа или «привилегии» промышленная деятельность не допускалась. Указом 15 октября 1751 г. предписывалось, чтобы никто без дозволения мануфактур-коллегии «никаких товаров делать не дерзал и не отваживался». По указу сената 22 декабря 1758 г. предоставлялась

свобода лишь в отношении одной и притом самой простой из разновидностей набоечного производства – печатания тканей «синюю краскою на масле», все остальные виды набоечного производства остались подлежащими правительственной регламентации.

Несмотря на неблагоприятные условия, крестьянская промышленность росла; вместе с ткачеством развивалось и набойное дело, что видно из духовного завещания крестьянина Ямановского в 1773 г.: «набоешные избы супротив дому к бору, подле дому сыну большему Иоанну заочно благословляю»,⁶ – писал он.

Имеются документальные данные о теснейших связях ивановских набойщиков с Петербургом, где у них была прочная база.

В июле 1754 г. чиновник мануфактур-конторы в Петербурге Циммерман задержал и представил в контору «мужика» с 10 кусками холстины. Задержанный оказался крестьянином графа П. Б. Шереметева из с. Иванова Яковом Фёдоровым. Фёдоров показал, что он недель шесть тому назад привёз из с. Иванова «коломинку» и «белую холстину» в количестве 200 аршин. Холстину он отдал набить мастерам в доме Щукина, в Чернышевом переулке, где остановился, уплатив за работу по 3 копейки с аршина. Хозяин дома показал, что набивным мастерством в его доме занимались жильцы, крестьяне вотчины князя А. Черкасского, которые «лощили синюю крашенину» и печатали всякие пестряди; жильцы все съехали с квартиры неизвестно куда, имена же их хозяин позабыл.

Известен аналогичный эпизод, относящийся к 1766 г. В марте этого года на съезжий двор Васильевской части в Петербурге были доставлены крестьяне села Иванова братья Иван и Андрей Кротовы с ящиком, нагруженным набойкой. По словам Кротовых, они пришли из села Иванова с 30 «трубками» холста для продажи и остановились в Чернышевом переулке в доме Щукина (видимо, этот дом был своего рода «явочной» квартирой ивановцев) у своего односельчанина, крестьянина Якова Бурылина (в позднейшем Бурылины – крупные фабриканты Иванова); холстину они в Петербурге обменяли на набойку, а сами «набойку не делают».⁷ Ивановских набойщиков преследовала полиция, так как торговля набойкой в связи с монополиями и существованием «указных» фабрик считалась незаконной.

Первые полотняные мануфактуры. На базе широкого развития крестьянского льноткачества в 40-х гг. XVIII в. возникла в селе Иванове полотняная мануфактура, а несколько позднее на базе набойного дела – ситценабивная мануфактура.

Организаторами мануфактур были представители разбогатевшей верхушки крепостного села, при этом, в силу специфических условий крепостного права и господства в то время монополий в промышленности, организация полотняных мануфактур приняла своеобразные формы.

Владельцы оброчных имений, в том числе и владелец села Иванова, которое в 1743 г. перешло от князя Черкасского, как «приданое» его дочери,

к графу П. Б. Шереметеву, были заинтересованы в росте крестьянской торговли и промышленности, как средстве повышения своих доходов в виде оброка и других поступлений. Поэтому владелец села Иванова не только не мешал развитию торгово-промышленной деятельности крестьян своего села, но и оказывал ей содействие.

Однако те же интересы эксплуататора побуждали помещика не допускать самостоятельного, независимого от него существования крестьянских предприятий.

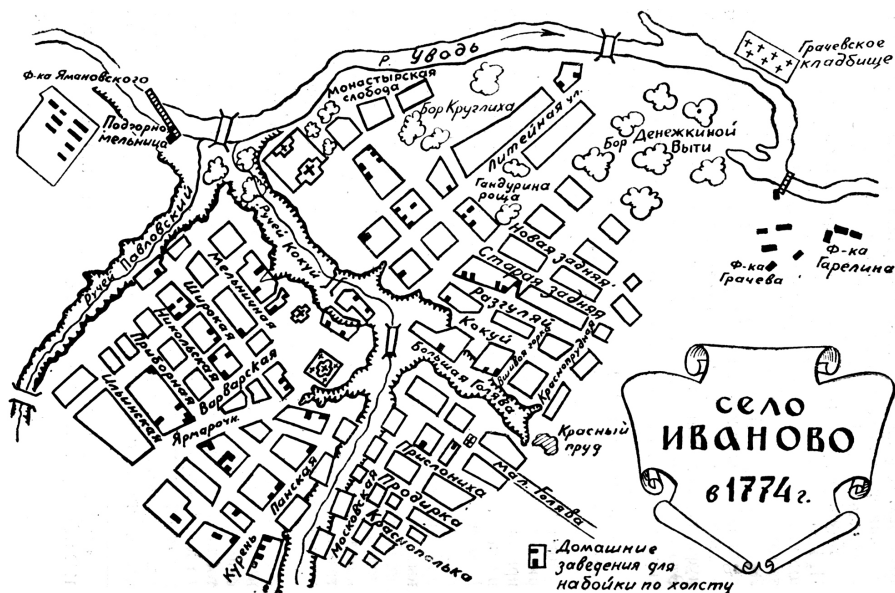
Первая известная нам полотняная мануфактура в селе Иванове основана в 1742 г. крепостным крестьянином Григорием Бутримовым, который, как указывают документы, «по вотчине был человек не последний», т. е. принадлежал к разбогатевшей верхушке села. Бутримов получил разрешение на открытие предприятия от мануфактур-коллегии со ссылкой на указ 1723 г., позволявший всем желающим устраивать промышленные предприятия. Но в 40-х гг., как уже говорилось, с развитием привилегий и монополий в промышленности начались ограничения прав крестьян на занятия торговлей и промышленностью и упорная борьба с крестьянскими предприятиями. Предприятие Бутримова было закрыто, но весной 1745 г. оно возродилось вновь, как предприятие, юридически числившееся собственностью не фактического владельца, а владевшей селом Ивановом и самим Бутримовым княгини Черкасской. «Крестьяне-предприниматели XVIII в. должны были маскироваться, превращая свои предприятия в юридическую собственность своих крепостных господ, но тем самым предоставляя этим предприятиям возможность фактического существования».⁷ Открытое предприятие носило название «фабрики». В XVIII и первой половине XIX вв. слово «фабрика» употреблялось в смысле промышленного предприятия вообще; «фабрикой» называлось и мелкое ремесленное предприятие, и ткацкая светёлка, и большая мануфактура. Соответственно этому «фабрикантом» назывался часто и кустарь, или ремесленник, и крупный капиталист.⁸

В 1747 г. мануфактура Бутримова получила «привилегию» – пятилетнее освобождение от пошлин «с покупки на ту фабрику товаров и с продажи сделанных на фабрике товаров». К концу 1748 г. на «фабрике» работали 52 стана, годовая выработка разных сортов полотняных товаров оценивалась около 11 тысяч рублей*.

Компаньоном Бутримова был ивановский крестьянин И. И. Грачёв, разбогатевший, вероятно, на торговых спекуляциях по скупке местных кустарных изделий, имевший уже торговые связи с Петербургом, где он держал приказчика. Это был крупный организатор, захвативший вскоре в свои руки всё предприятие. В 1748 г. И. И. Грачёв, с разрешения владельца села, под флагом имевшегося уже разрешения мануфактур-коллегии, начал постройку новой мануфактуры. Это намерение Грачёва встретило сильное сопротивление скупщиков, богатевших на скупке и перепродаже холщёвой про-

* Рубль 1720–1740 гг. = 9 рублям золотых, 1750 гг. = 9 рублям, 1760 гг. = 7 рублям, 1770 = 6 рублям.

дукции местных крестьян. На большом «посполитом сходе» в присутствии 130 человек крестьян «всех статей» было составлено прошение владельцу села Шереметеву; крестьяне «слёзно просили и молили» графа, «чтобы Грачёву от заводу фабрики... отказать, того ради..., что не точию от двух фабрик обиды нам не явится, но от первой Бутримова фабрики пришли до нас многие озлобления и помешательства». Прошение заканчивалось просьбой не только воспрепятствовать Грачёву в его намерении построить «фабрику», но и бутримовскую «фабрику» по окончании срока освобождения от пошлин «отрешить», «чтобы нам... и впредь за вами... прочными крестьянами быть».⁹

Схематический план села Иванова (1774 г.)

Приведённый документ интересен в том отношении, что подтверждает данные о широком развитии в селе Иванове крестьянского ткачества, на скупке продукции которого богатели «капиталистские» люди и на базе которого вырастала мануфактура. Шереметев не внял голосу схода. Присланный из мануфактур-коллегии в 1749 г. ревизор нашёл, что у Грачёва «как по строению, так и по приготовлению материалов немалые товары делаются не худо», уже выстроены «мастерских 4 светлицы (в них станов коломяношных 41, да готовится вновь 60 станов), катальный анбар, мыларня (в ней 1 котёл железный, два чана деревянных), анбар, где хранятся наделанные полотна, светлица (в ней сновальня одна, шпульных колёс 10), а прочее фабричное строение строится». «Фабрики» Бутримова и Грачёва построены были на берегу реки Уводи несколько выше впадения в неё р. Талки (ме-

сто расположения в настоящее время Сосневской отделочной фабрики им. Ф. Н. Самойлова).

Создалось оригинальное юридическое положение: в мануфактур-коллегии числилась одна «фабрика» «его сиятельства графа П. Б. Шереметева», а фактически их было две, и владельцами их являлись крестьяне Грачёв и Бутримов, фигурировавшие как «надзиратели» и «смотрители» господской «фабрики».

К 1756 г. количество станов на грачёвской мануфактуре дошло до 216, фабричные строения состояли из 9 светлиц; на бутримовской «фабрике» в 1755 г. было только 69 станов.

В 60-х гг. XVIII в. мануфактура Бутримова уже не упоминается, она перешла в руки наследников И. И. Грачёва, из которых особенно выделился Ефим Иванович Грачёв, сосредоточивший вскоре почти все предприятия в своих руках. Часть мануфактуры перешла в руки бывшего бутримовского приказчика Ив. Гарелина, который, как и Грачёв, оказался «содержателем» графской «фабрики». В «Ведомостях» 1771 г. во владении Е. И. Грачёва показано 212 станов, у И. Гарелина – 106 станов.

На плане села Иванова 1774 г., кроме мануфактур Е. И. Грачёва и И. М. Гарелина, показана ещё «фабрика» И. Д. Ямановского, расположенная на берегу реки Уводи выше «фабрики» Гарелина и Грачёва (в настоящее время фабрика Большой Ивановской мануфактуры).

В 1781 г. на «фабрике» Е. Грачёва было 312 станов, на «фабрике» Гарелина 200 станов. На «фабрике» Грачёва построены были большие каменные ткацкие корпуса, некоторые в два этажа.¹⁰

Мануфактуры выпускали ткани «коломиношные, фламские, равендушные, дрель, скатертные, салфеточные, тонкие полотна». Сравнительно с продукцией крестьянской домашней промышленности – холстом, простой толстой льняной тканью 7–11 вершков ширины, мануфактурные ткани были плотные, тоньше и шире (16–24 вершка). Фламское полотно на холщёвой подкладке шло на летние штаны солдат; равендук употреблялся для мелких парусов; коломенка представляла собою гладкую белёную или суровую ткань, похожую на демикотон, она употреблялась на одежду.

Продажная стоимость продукции «фабрик» Бутримова и Грачёва в 1751 г. выражалась в сумме 36 020 руб. 75 коп., в 1754 г. – 53 794 руб. 35 коп. Продукция мануфактур через Петербург, иногда через Архангельск, шла главным образом на заграничный рынок. По показаниям ивановских фабрикантов, «кроме иностранных (купцов), те фабричные товары, как коломенка, так и равендук, в России в продаже не производятся и стаями (оптом) не покупаются».

От Иванова до Петербурга товары направлялись сухим путём на протяжении 53 километров от Иванова до села Сидоровского на Волге и далее водным – по Волге, Мологе, Чагоде, Тихвинке, Ладожскому каналу и Неве.

Рабочие. При появлении мануфактур Иванова не могло вполне обеспечить их подготовленной рабочей силой, так как техника мануфактуры была

выше техники домашнего ткачества. По словам «фабриканта» Бутримова (октябрь 1748 г.), даже через шесть лет после основания его предприятия «фабричные... у него работники имеются все посторонние люди разных дворцовых и монастырских волостей». Кадрами, привычными к ткачеству и обучавшими остальных рабочих, были дворцовые крестьяне Ярополческой волости, Владимирского уезда, т. е. из района г. Вязников. Там с начала 1720-х гг. существовала крупная полотняная мануфактура, основанная также крестьянином; привлечённые оттуда крестьяне-рабочие стали инструкторами на ивановских мануфактурах. В конце 1749 г. «фабриканты» Бутримов и Грачёв, вменяя себе в особую заслугу, доносили графу, что «при заводе обучено Ивановской вотчины крестьян с 250 человек разным мастерствам, для которых нам по вступлении их в науки происходило траты немалое же число, а ныне оные в науку произведены».

Привлекались инструкторы и из Москвы. Когда понадобился «по тканью скатертей добрый мастер», фабриканты Бутримов и Грачёв просили отпустить к ним графского дворового человека Алексея Жукова, который «имелся при фабрике у московского купца Д. Я. Земского и от него отошёл и имеетя в Москве». Просьба была удовлетворена, и Жуков «для обучения с. Иванова крестьян ткацкому мастерству» был отдан под расписку «фабрикантам» «впредь до указу».

Общее количество рабочих на двух полотняных мануфактурах в 1749 г., можно предположить, доходило до 300 человек.

На «фабриках» работали «многие крестьянские дети». О работе детей в одном из документов при характеристике «прибытка», какой даёт «фабрика», указывалось, что благодаря ей «сироты мужска полу и девчонки малые будут иметь пропитание».

Принимались на мануфактуры и беспаспортные (убежавшие от помещиков крестьяне), хотя это очень преследовалось. При одной из проверок вотчинным правлением села «кто с какими живёт паспорта», обнаружилось у Грачёва 10 беспаспортных, у Бутримова 6. За это наложен был штраф – 98 рублей с Бутримова и 100 рублей с Грачёва, от 3 до 20 рублей с человека в зависимости от срока пребывания без паспорта.

Из местного населения на «фабрику» шли «крестьяне последней статьи», бедняки. Не все они шли по доброй воле. Крестьяне в одном из своих «челобитий» различают среди «многих крестьянских детей..., которые в ткачи вступили», тех, кто «кабально» и тех, кто «своевольно» поступил на фабрику. Сами «фабриканты» указывают на долговую зависимость рабочих: по их словам, «даётся им (рабочим)... впредь денег на платёж с тягол их всяких податей и на долговые нужды по усмотрению мастерства их по 3, по 4 и по 5 рублей человеку». Такие рабочие известны, как «кабальные работники». Иногда кабала была очень крепкой: так, крестьянину Петрову Грачёвым было «дано на рекруцкую отдачу денег 100 руб., которые деньги... заживает по записи урочные годы».

Тяжёлое положение рабочего на первых ивановских мануфактурах рисует один из документов того времени – договор 1789 г., заключённый между отцом рабочего Лапина и «фабрикантом» Грачёвым. По этому договору крестьянин Лапин отдал Грачёву сына Игната «на полотняную его фабрику в работу на десять лет с договорною ценою на каждый год по двадцати рублёв». Двести рублей Лапин получил от Грачёва «на свою необходимую нужду на покупку за детей своих рекрута».

«И оному сыну моему Игнату, – говорится в договоре, – жить у него, Грачёва, вышепоказанные годы во всяком послушании, неотлучно безо всяких прогулов, и без воли хозяйской никуда не отлучаться. А если будет ослушен или без слова хозяйского куда отлучится, за то подвергая себя телесному наказанию. А жить ему, Игнату, у него, Грачёва, на своей пище и одежде, к тому не пьянствовать и с подозрительными людьми не знатца. А если, паче чаяния, случится показанному сыну моему какая болезнь или за ослушанием или пьянством будет к работе неспособен или ему смерть, то должен я, Лапин, ему, Грачёву, представить другого сына Михайла безотговорочно».¹¹ Приведённый документ свидетельствует о бесправности рабочего, равной крепостному положению, и о крайне низкой оплате труда.

В приведённом договоре плата рабочему установлена в 20 рублей в год. Имеется указание, что в первые годы существования мануфактур «конторщик» из местных крестьян Алексей Лубов получал по 45 рублей в год. Среднюю оплату рабочих можно определить в 20–30 рублей в год, т. е. по 2 руб. 50 коп. в месяц.

Рабочий день устанавливался по усмотрению владельца и длился не менее 14 часов.

Ивановские «фабриканты» особенно хлопотали перед владельцем о предоставлении им права самим наказывать крестьян, работавших на «фабрике». В 1750 г. «содержатели» «фабрик» Бутримов и Грачёв обратились к графу Шереметеву с прошением. Жалуясь на то, что за отсутствием графского «указу к крепкому содержанию работных с. Иванова крестьян, оные крестьяне их и прикащиков их не слушают», «фабриканты» просили «дабы повелено (было) оным работным людям, как нас, так и прикащиков наших во всём слушатца, а за учинённые им на фабриках непотребные продерзости по силе чинить бы им при фабриках же наказание». Прошение было удовлетворено. Приказано: «на фабрике рабочим людям объявить», что замеченные фабрикантами наказываются «при фабрике для страху другим с запискою в книгу». Известен ряд случаев, когда по просьбе владельцев предприятий рабочие наказывались розгами в вотчинной конторе.

За всей жизнью рабочих был установлен строгий надзор. Вотчинная полиция села Иванова имела приказ строго следить, чтобы работники «не током по ночам с дубинками и кистенями по улице не ходили, но и в день без дела не шатались».

«Фабриканты». Хозяева мануфактур, сами находясь в крепостной зависимости от графа, были, как их называли, люди «капиталистые». «Фабриканты» Грачёвы помимо фабричных дел занимались скупкой на имя графа земель у соседних помещиков и своих односельчан. К концу XVIII в. Е. И. Грачёв владел 3084 десятинами земли, составлявшими до 40 отдельных «недвижимых имений»; кроме того, ему принадлежали части земельных площадей, купленных совместно с другими крестьянами. Преимущественно это были пустоши с дровяным и отчасти строевым лесом, но имелось немало пашни и сенокосов. Среди этих владений были и населённые места: в 1795 г. в них насчитывалось свыше 180 мужчин и 200 женщин; это – «покупные Грачёвым на имя его сиятельства крестьяне».

Сумма оброка, уплачиваемого с полотняных «фабрик» владельцу села, составляла в 50-х гг. XVIII в. 552 руб. 50 коп. в год со 170 станков у Грачёва и 217 руб. 75 коп. с 67 станков у Бутримова.

Скупка населённых и ненаселённых участков земли широко практиковалась и другими крепостными шереметевскими «фабрикантами» – Ямановским, Гарелиным. Скупая участки земли, «фабриканты» преследовали цель обеспечить свои предприятия топливом, строительными материалами, сырьём и рабочими. По пятой ревизии (переписи) 1794 г. в сёлах Иванове и Стромихине числилось в собственности крепостных богачей купленных ими крепостных крестьян 528 мужчин и 659 женщин, что составляло до $\frac{1}{7}$ всех, записанных по ревизии за Шереметевым, местных крепостных крестьян этих двух сёл.¹²

Развитие набойного и зачатки ситценабивного производства. Вскоре после образования полотняной мануфактуры на базе набойного дела возникла мануфактура в отделочном производстве.

Большое значение в истории русской промышленности XVIII в. имел изданный правительством, под влиянием только что подавленного движения Е. Пугачёва, указ 17 марта 1775 г. Указом дозволялось «всем и каждому... заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего или нижнего места».¹³ Указ стирал юридическую грань между «указными» и «неуказными» мануфактурами, давая большой простор развитию крестьянской промышленности и, в частности, набойного дела в Иванове.

В конце 70-х гг. XVIII в. в селе Иванове существовали уже десятки мелких крестьянских предприятий, где ткали холсты и набивали на них рисунки. Владельцы этих предприятий в большинстве случаев обходились без наёмного труда. Работал обычно сам хозяин со своей семьёй. Оборудование такой мастерской было очень несложным: ручные ткацкие станки, столы и горшки для варки красок, за применение которых мелкие предприниматели и получили своё меткое прозвище «горшечники», или «кустарники».

Крестьяне продавали свои изделия на рынке в самом селе Иванове и на ярмарках Парской, Холуйской, Ковровской. Более крупные предпринимате-

ли, а также торговцы-скупщики и торговцы-разносчики – офени, как их тогда называли, увозили ивановские изделия далеко за пределы села – в Москву, Казань, на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки.

Ход тогдашнего производства для набойки по холсту был по-прежнему очень несложным. Известны имена предпринимателей набойного дела в Иванове, вносивших в него упорядочение, переводивших его в стадию мануфактуры. Я. П. Гарелин, ссылаясь на «ивановских старожилов», указывает, что первое более правильное заведение для набойки по холсту устроено было крестьянином Иваном Ишинским слишком за 50 лет до 1812 г. В подражание ему завёл себе набоечное производство Михаил Ямановский.

Во второй половине XVIII в. вместе с набойкой стала вырабатываться выбойка. «Набитый одним рисунком холст закрашивали в чёрную краску, что и составляло выбойку; белые же места рисунка предназначались для различных красок. Пестрота рисунка составляла первое достоинство товара... Появление выбойки вызвано было желанием подражать в нарядах богатым (своего рода модой) – богачи носили шёлковые материи с различными цветами, а так как бедным покупать шёлк было невозможно, то набойщики и решили помочь горю, выпустивши в свет выбойку. Первый выбоечный рисунок снят был с бухарской бумажной бахты... Набойка служила для мебели и вместо нынешних ситцев для платьев, а выбойка для рубашек; синяя кубовая набойка употреблялась для рубашек и портов и была в продаже из числа дешёвых сортов».¹⁴

Набойные заведения открывали при своих предприятиях и крупные полотняные фабриканты. В одном из челобитий владельцу Иванова Шереметеву 18 августа 1781 г. указывалось, что «у Грачёва набоечная фабрика завелась».

В начале 1780-х гг. в набойное дело вносятся важные изменения, связанные с именем крестьянина Осипа Степановича Сокова. Он был резчиком – вырезывал манеры для набойки. Набойка вырабатывалась примитивная – масляными и линючими красками, так как ивановцы не знали секрета закрепления красок. Масляная краска как бы сковывала ткань, лишала её гибкости, быстро крошилась, плохо выдер-

Макет старого набойного корпуса, находившегося в XIX в. на современной Красногвардейской улице.

живала стирку. Благодаря связям с Петербургом ивановцы знали о существовании близ Шлиссельбурга ситценабивной фабрики Лимана. Это была вторая в России ситценабивная фабрика, открытая в 1763 г. Фабрика Лимана работала на уровне западно-европейской техники, употребляла разнообразные органические и минеральные краски, применяла многоцветную набивку, а главное, производила закрепление красок с тем, чтобы они от действия воды и солнечного света не смывались и не линяли.¹⁵

Поставив себе целью ввести усовершенствования в набойное дело, О. С. Соков около 1780 г., вместе с несколькими крестьянами села Иванова, отправился в Шлиссельбург; в качестве опытных набойщиков и резчиков ивановцы поступили на фабрику Лимана. Лиман особенно хранил «тайности» составления и закрепления красок, но Сокову удалось узнать эти секреты. Овладев «секретами», Соков возвратился в Иваново и в 1787 г. завёл небольшую мануфактуру. Сначала он вырабатывал набойку по холсту и полотну, но вскоре перешёл к набойке бумажных тканей, положив начало ситценабивному производству.

Познакомившись у Лимана со всеми операциями по отбелке, набивке и крашению, Соков ввёл рациональный способ отделки с применением правильных рецептов составления и закрепления красок.

Соковские набойки и ситцы, вследствие красоты красок, а также хороших рисунков и чистоте обработки, получили высокую оценку. Главным помощником Сокова в качестве «красовара» был крестьянин В. Витов. При составлении красок употреблялся хлебный уксус, из которого делали чёрный, фиолетовый, красный, розовый и коричневый цвета с различными оттенками. Ситцы красили персидскою и бухарскою мореною и другими красками растительного происхождения. После крашения ткань вываривали в мыле с отрубями и белили, расстилая на лугу и поливая водой из лейки или из специальных желобов. Весной ткани белили на снежном насте. Иногда же сначала ткани выквашивали в отрубях, а потом вываривали в мыле. Таким образом техника набойки продолжала оставаться весьма примитивной.

О. С. Соков (умер в 1801 г.) должен быть призван основоположником ситценабивной промышленности села Иванова (улица Ленина, на которой находилась «фабрика» Сокова, ранее называлась «Соковской», мост через Уводь на этой улице называется и теперь «Соковским»).

Имеются указания о связи с фабрикой Лимана крупного полотняного мануфактуриста Грачёва в 1770-х гг. и выносе оттуда секретов отделки миткалей.¹⁶ Действительно, Грачёв, кроме полотняной мануфактуры, в 1780-х гг. имел «набоечный завод», на который он получил в 1780 г. от Шереметева «верующее письмо». Завод изготовлял «всякого рода набойки и полуситцы». Для выработки употребляли «миткали, бумагу хлопчатую простую и пряденую, также крашеную, и разные краски, и травы морены корень». Как видно, это было ситценабивное предприятие.

К концу XVIII в. выбойка, ранее вырабатываемая по холсту, стала производиться по бумажной бязи; бязь употреблялась бухарская и иногда покупалась у московских ткачей. Разные сорта бязи шли на выработку выбойки различных сортов и цен. Куски выбойки назывались «концами».¹⁷

Территория, население и управление села. В административном отношении после губернской реформы 1775 г. Иваново вошло в состав Шуйского уезда, Владимирской губернии. По данным генерального межевания 1774 г., в селе было 487 дворов, населения – 1636 мужчин и 1597 женщин; в плане села указаны 23 застроенных улицы, не считая переулков, прогонов и проездов. Границы села проходили по нынешним Ильинской, Краснопрудной и Садовой улицам. Из села шли трактовые дороги на Москву по Московской улице и на Волгу в Плёс по Литейной (теперь ул. Ленина).

Село Иваново окружали небольшие деревни, позднее вошедшие в состав города; по тем же данным генерального межевания: в деревне Рылихе 21 двор, населения – мужчин 76, женщин – 74; в деревне Иконниково 17 дворов, населения – мужчин 36, женщин – 32; в деревне Глинищево 11 дворов, населения – мужчин 25, женщин – 23; в деревне Воробьёво 13 дворов, населения – мужчин 46, женщин – 48.¹⁸ По данным пятой ревизии 1795 г. в селе Иванове насчитывалось коренного населения 1957 мужчин.

В топографическом описании Владимирской губернии 1784 г. село Иваново характеризуется, как «славное набивными на полотнах и холстах фабриками, великолепными каменными и деревянными домами, улицами и отменным капиталом».

Социальная структура села с его резким классовым расслоением получила яркое отражение в организации управления. Село имело самоуправление с выборными хозяйственными, административными и судебными должностями и сельским сходом. Но всё это находилось в руках богатой верхушки. Вот как описывается ивановский сельский сход того времени: «Богатые крестьяне или, по местному выражению, первостатейные и добросовестные (выборные по разным отраслям хозяйства) сидели около выборного (выборный или судья, в руках которого находилась судебная и административная власть) за столом, а остальные все стояли не только в комнате, где было собрание, но и в сенях и даже на улице... Предложения о разборе дел читались старшим земским (секретарём)... Сбора голосов не было, почти постоянно по совету добросовестных и первостатейных дела решались согласием прочих, посредством крика голытьбы (так называлась беднота): «согласны».¹⁹

Владелец села Шереметев никогда не жил в Иваново (только в 1771 г. свирепствовавшая в обеих столицах чума загнала его на некоторое время в Иваново). Из своей петербургской резиденции он осуществлял высший контроль над своими многочисленными владениями, в том числе и над Ивановом. К нему обращались, как к «государю», «рабы» села, как они себя называли, от него шли в село «указы», им утверждались приговоры сельских сходов. В начале XIX в. Шереметев для управления Ивановской вотчиной издал нечто вроде

свода законов гражданских – сборник постановлений, носивший название «домовых постановлений». Но сила капитала уже давала себя знать. Повелевая своей крепостной вотчиной, владелец её нередко оказывался в денежной зависимости от своих «капиталистских» крестьян, вынужден был, чтобы не парализовать этого золотого источника, соглашаться на различные для них льготы.

Помещик, «фабриканты» и беднота. Живя в 1771 г. в Иванове, П. Б. Шереметев пользовался услугами «фабриканта» Грачёва – его поездками в Петербург, чтобы переправлять туда различные посылки и производить там закупки. Петербургская канцелярия графа производила эти закупки на деньги, предоставляемые ей по просьбе графа Грачёвым. Граф был уверен в состоятельности своего крестьянина: «за отправленные ко мне вещи, – писал он, – в деньгах останки не будет, ибо Еф. Грачёв, конечно, надеюсь, деньги даст». В это время графом было взято у Грачёва 3058 рублей, что по тем временам составляло очень крупную сумму.

Взаимоотношения с графом Шереметевым Грачёв использовал в свою пользу. Так, в 1762 г. он добился понижения оброка с 3 руб. 25 коп. со станка до 2 руб. 50 коп., а в 1770 г. понижения ещё на 50 коп.

Грачёв постоянно ссужал деньгами и Н. П. Шереметеву, только что вступившего во владение селом. В 1793 г. у находившегося в Петербурге Ефима Грачёва граф взял на четыре месяца 10 000 руб., в следующем году – снова 5 000 руб. на два месяца. Услуги крестьянина-фабриканта не остались не оценёнными. В 1792 г. графским указом Е. И. Грачёв среди ивановских «первостатейных» был поставлен в совершенно особое положение: «похваляя за исправную послугу с. Иванова крестьянина Еф. Грачёва, – предписывал граф, – определяю впредь его ни в какие послуги без особого моего письменного повеления не наряжать, а когда по усмотрению канцелярии востребует-ся какая в нём надобность, о том докладывать мне».

Е. Грачёв в 1795 г. добился выкупа на волю, на 35 лет раньше своих богатых односельчан. Свобода досталась Грачёву не дёшево: он внёс графу 135 000 руб., уступил ему две «фабрики» и все свои земли с купленными крестьянами (по оценке 1796 г. «фабрика» стоила 47 885 руб. 5 коп.; люди без земли – 54 300 руб., по 300 руб. за «душу»). После выкупа на волю свою «фабрику» Грачёв взял у графа Шереметева в аренду.

Маскируя своё лицо эксплуататора, Е. И. Грачёв не прочь был показать себя благотворителем и культурным человеком. Известно, что «он пожертвовал значительные суммы в Московский университет, за что имя его включено в число благотворителей этого старейшего русского университета и помещено вместе с другими в актовом зале».²⁰

Ивановские фабриканты и торговцы видели в графе – владельце села – своего надёжного покровителя. Об этом говорит один из документов конца XVIII в. – письмо ивановского крестьянина Ивана Спиридонова графу Н. П. Шереметеву от 13 апреля 1792 г. с просьбой о заступничестве. «Раболепно падаю перед стопы вашего сиятельства государя и отца моего, – писал Спиридонов, – 1759 году

уволен я раб ваш из Суздальской вашего сиятельства вотчины из села Иванова в сибирские города, даже до Камчатки... для работ и промысла, а по тем моим трудам неусыпным и обращениям приобрёл достаток в капитале... Напоследок же, когда я намерен был из того краю выехать и явиться к вашему графскому сиятельству, тогда случился образцовый казус совершенного мне притеснения и разорения от главного бывшего в Камчатке командира... Франца Рейникинз...» «Разорение», причинённое ему командиром Камчатки, Спиридонов определил в 17 000 руб. и писал в конце письма: «Вникните, милостивейший государь, в рассмотрение моего дела безвинно страждущего и не дайте в посмеяние своё имя гремящему в здешнем месте моему сопернику торжествовать и завладеть немалотысячной суммой капитала моего; который капитал, так равно и я, совсем ваш и принадлежит к вам...»²¹

Покровительствуя богачам, владелец села был беспощаден к бедноте. В 1768 г. Шереметев ввёл особенно ненавистную населению натуральную повинность для ивановских девушек – сбор льняной пряжи. Девушки в возрасте с 18 до 20 лет должны были ежегодно вносить по 3 фунта, а в возрасте от 20 до 25 лет – по 5 фунтов, от 25 до 30 лет – по 10 фунтов, или за каждый фунт по 20 коп.²²

Одним из проявлений мести и отчаяния со стороны бедноты были частые поджоги строений, принадлежавших богатеям. Иногда во время таких пожаров выгорали многие ивановские предприятия. Фабриканты, писавшие историю села Иванова, объясняют частые пожары в селе действием «партии недовольных обогащением своих земляков». Этой «партией недовольных» была, в действительности, ивановская беднота, испытывавшая двойной гнёт помещика и «фабриканта».

Особенно известен этим период от 1775 до 1793 г., когда мы насчитываем шесть больших пожаров от поджогов.²³

Пожары, о которых говорится, были очень опустошительны: в 1775 г. сгорело до 400 домов, в 1781 г. – до 260 домов, в 1793 г. – до 500 домов.

В глазах буржуазии это была «неурядица», в действительности это было проявлением классовой борьбы.

Ивановская вотчина. Село Иваново и окружающие его деревни и сёла составляли Ивановскую вотчину графов Шереметевых, которая при наличии многочисленных населённых пунктов, находившихся во владении помещика, имела немаловажное значение в помещичьем хозяйстве.

Фонды шереметевского архива, хранящиеся в центральных государственных архивах, содержат многочисленные материалы по Ивановской вотчине, на основании которых можно воссоздать облик старого села и его окрестностей.

В свете этого интереснейшим документом является «Описание села Иванова с присельем», составленное в 1802 г. земским Ивановской вотчины Степаном Палыгиным и разысканное в архивах А. М. Разгоном. Оно было опубликовано с его комментариями в пятом томе «Материалов по истории

СССР (документы XVIII в.)», подготовленном к печати Институтом истории Академии наук СССР.

Отвечая на вопросы, присланные из домового канцелярии графа Н. П. Шереметева, Палыгин составил достаточно подробное описание вотчины.

В составе Ивановской вотчины в 1801 г., кроме самого села Иванова, насчитывалось 59 населённых пунктов, раскинувшихся на пространстве, ограниченном дорогой от Иванова на Кохму, рекой Уводью до впадения в неё речки Востры, названной рекой с находящимися на её левом берегу селениями (Якимово, Горшково, Ломы, Купалищи, Должайки и др.) и дорогой на Лежнево. Кроме того, к вотчине были приписаны деревни и сельца, приобретённые на имя графа Шереметева «капиталистами» крестьянами села Иванова. К числу их принадлежали 10 населённых пунктов в окрестностях села (Глинищево, Иконниково, Спасское, Малинки, Хламоestino, Афанасово и др.) и две деревни, находившиеся на солидном расстоянии от центра вотчины (деревня Подраменково в районе Юрьевца Пovolьского, Костромской губернии, и деревня Высоково на реке Ухтохме).²⁴

В вотчине находилось 10 785 дес. земли, в том числе 7010 дес. пашни, 511 дес. 2365 саж. покосов и 3264 дес. 1970 саж. леса.

Всего населения в вотчине считалось 7886 чел., из которых 3797 мужчин и 4089 женщин. Из этого числа 4303 чел. жили в Иванове. Если же присчитать покупных крестьян, то численность населения вотчины увеличится до 8770 чел.

Состав мужской половины населения вотчины, согласно данным описания, определялся следующими цифрами: «капиталистских» крестьян 40 чел., или 1,04% к итогу, посредственных крестьян 2125 чел., или 55,92%, безземельных (детей и стариков) 1544 чел., или 40,63%, бедных и увечных 88 чел., или 2,41 % к итогу.

На каждое тягло (хозяйство) по вотчине приходилось в среднем лишь по 3 дес. 575 саж. пашни (в Васильевской вотчине Шереметевых, находившейся в Шуйском уезде, на тягло падало свыше 6 десятин земли). Пахотная земля в вотчине характеризовалась как «сероватая и местами иловая и пещаная».²⁵ В этих условиях, при низком уровне агротехники того времени, земледелие не могло служить надёжным источником существования для населения, и последнее в массе вынуждено было заниматься промышленным трудом, который и составлял главное занятие для жителей.

В описании Ивановской вотчины указывается, что крестьяне заняты «по большей части в фабричных промыслах, у имущих крестьян, при фабриках, коих в здешней вотчине состоит больших и малых 80».²⁶ Здесь же отмечено, что «на оных фабриках набивают набойки по холсту и по бумажному полотну... и ткут бумажные полотна».²⁷

В приложении к описанию вотчины опубликована ведомость владельцев промышленных предприятий с. Иванова. В ней перечислены фамилии 80 предпринимателей, среди которых находятся имена Е. Грачёва, Осипа

Сокова и родоначальников ивановских капиталистов – Гарелиных, Зубковых, Полушиных, Ямановских и Бурылиных.

Описывая состояние промышленности села, автор отдаёт должное развитию женского труда. «Женский же пол, – говорится в документе, – по большей части занимается рукоделием, в выработывании холстов для продажи под набойки, а другие воспомоществуют женщины мужьям, а девки отцам и братьям своим и в самой набойке, как-то: оную заваривают, вымывают и по «бельникам» стелют и снимают и т. п., каковое мастерство требует немало труда и рачительности».²⁸

Из нетекстильных промышленных заведений в описании упоминаются 11 кузниц и 33 кирпичных завода. Правда, все эти «заводы» были крайне невелики: так, у Кузмы Осьминина, владевшего пятью «заводами», имелось всего 245 кв. сажен земли.

При селе «на реке Увоти» стояли три водяные мельницы (Ивановская, «Погорелка» и Сластиха) и ещё существовала ветряная мельница.

На территории села насчитывалось немало мест, называвшихся «бельниками», которые использовались для отбелики холстов. Всего таких мест по селу имелось до 200. Средний размер одного «бельника» составлял около 62 кв. метров (7х2 сажени). Они располагались по берегам ручья Поток (Кокуй) и по склонам двух оврагов. «Места же оные, – отмечалось в описании, – крестьянами один другому и продаются ценами разными и берут за оные до 10 рублей».²⁹

В качестве подсобных заведений имелось 98 заварок на реке Уводи, «в которых крестьяне набойку заваривают». Заварки были построены частично на участках, отведённых вотчинным правлением, а некоторые из них размещались на местах, крестьянами присвоенных: «в оврагах, на землях неудобных и при лугах».³⁰

За исключением 29 каменных домов, все остальные 1723 строения были деревянными. В деревнях и сёлах большинство домов имело соломенные крыши, а в селе Иванове преобладали дома, крытые тёсом или дранью.

О торговом значении села говорило большое число лавок, имевшихся в селе. В ведомости о торговых местах вотчинное правление числило 117 лавок. Кроме того, на торговой площади имелись другие лавки, полки и шалаши. Существовали «калашный» и два мясных ряда протяжением около 25 метров. Посредине площади стояли большие весы на столбах.

В селе находилось восемь постоянных дворов и два кабака. Один из них именовали «Подпушечным», а другой «Большим». Кабаки отапливались, и в каждом из них стояли печи для выпечки блинов.

Касаясь образа жизни населения вотчины, автор описания отмечал значительное количество раскольников, проживавших в Иванове.

Подробно описана система управления вотчиной.

В целях успешного собирания податей и выполнения назначаемых повинностей в селе Иванове имелись десятидворные, а в каждом из селений – за-

казчики. На мельницах жили поверенные. При торговой площади состояли специальные лица для сбора полавочного и весового сбора. При вотчинном правлении имелось два главных выборных, четыре сборных и расходных старосты, семь рядовых выборных при сборе с незамужних женщин, холостых, вдов и вдовцов, четыре выборных при сборе с капиталов, с ремесленных людей и за отданных на поселение, два уполномоченных у сбора на покупку хлеба в магазины. Всего насчитывалось 316 выборных, которые не получали за свой труд никакой платы, а только пользовались льготами при воинских постоях.

Получавших же от мира плату при вотчинном правлении имелось 33 человека: 11 земских, два сторожа, девять рассыльных, два при установке на колокольнях часов, шесть караульных, дежуривших на колокольнях, два смотрителя за церковной утварью и два караульных при магазинах.³¹

Само управление Ивановской вотчиной было разбито на две половины: сельскую, ведавшую управлением селом Ивановом, и волостную, управлявшую прочими населёнными пунктами, входившими в состав вотчины.

Большой интерес представляют денежные отчёты вотчинного правления. Они свидетельствуют о том, что с каждого тягла за год собиралось платежей по сельской половине 25 руб. 50 коп. и по волостной половине – 23 руб. 90 коп. Платежи подразделялись на оброчные, почти целиком шедшие помещику, и на мирские.

За 1801 год с крестьян Ивановской вотчины было собрано всего платежей 54 468 руб. 36 коп. Из них пошло на уплату оброка графу Шереметеву 33 048 руб. 41 коп.; перечислено на содержание домовая канцелярии Шереметева 605 руб. 71 коп.

Было израсходовано: на уплату государственных повинностей 6875 руб. 22 коп.; на содержание вотчинного управления 2374 руб.; на платежи, связанные с отдачей крепостных на поселение и на подарки чиновникам губернских учреждений, 5592 руб.

По сравнению даже с Васильевской вотчиной Шереметевых, где с тягла взималось всех платежей по 17 руб. 34 коп., оброчные платежи для ивановских крестьян были тяжелы и обременительны.

Если учесть, что по справке, приложенной к описанию Ивановской вотчины, пуд ржаной муки расценивался в 70 копеек, то размеры платежей с тягла в селе Иванове составляли стоимость 36,5 пуда муки, а если перевести их на стоимость берёзовых дров, то на сумму оброчных платежей можно было приобрести в то время 10 сажень дров.

Несмотря на то, что Ивановская вотчина среди других шереметевских вотчин не являлась крупной по территории, она считалась одной из наиболее доходных, поскольку платежи крестьян вотчины составляли около 8 процентов общего дохода помещика.

О произволе помещичьей власти красноречиво говорят приложенные к описанию «Ведомость крестьян, отданных вне очереди в рекруты и сослан-

ных на поселение» и «Ведомость о штрафах, недоимочных, оброчных, промысловых и рекрутских суммах, взыскиваемых с крестьян».

В первой перечислены фамилии 40 крестьян, сданных в рекруты или отправленных на поселение, причём почти половина их подверглась ссылке вместе с жёнами.

Вторая ведомость свидетельствует также о том, что с Ивановской вотчины помещик требовал плотников для работы в своих подмосковных имениях и за невыполнение этого предписания налагал штраф на вотчинное правление.

Поборы с крестьян взымались по самым различным причинам и сверх обычных оброчных платежей. Например, приказом от 8 июня 1800 г. предписывалось вотчинному правлению внести сбор с «капиталистов» крестьян в размере двух процентов с объявленного ими капитала. Во исполнение этого приказа в 1801–1802 гг. было отправлено Шереметеву 7 300 руб.³²

20 ноября 1801 г. был объявлен приказ помещика о взыскании по 600 руб. за каждого из семи крестьян Ивановской вотчины, отданных на поселение.³³ 18 ноября того же 1801 г. был датирован приказ графа Шереметева о взыскании 12 591 руб. с неженившихся и вдовых и с невыходящих в замужество женщин. Имеется отметка о том, что в течение двух лет было фактически взыскано этих платежей с вотчины 3 370 руб.

Приказом домово́й канцелярии Шереметева от 29 ноября 1801 г. предписывалось взыскать по одному рублю с каждого крепостного крестьянина, знавшего какое-нибудь ремесло.

В дополнении к описанию Ивановской вотчины сообщалось, что по селу Иванову ходит для сбора милостыни великое множество нищих.

В качестве приюта для бедняков в селе были оборудованы четыре богадельни, из которых три занимали каменные здания, содержавшиеся на средства владельцев мануфактур. Но во всех богадельнях насчитывалось всего лишь 20 призреваемых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. История СССР. М., 1956, стр. 520.
2. Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 22., М., 1855. Анания Фёдоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале, стр. 104.
3. Сборник Исторического общества. Т. 107, стр. 16.
4. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в. М.–Л., 1935, стр. 193–194.
5. Материалы по истории крестьянской промышленности. Издание Академии наук СССР, 1935, стр. LXVII. Дмитриев Н. Н. Назв. соч.
6. Я. П. Г а р е л и н. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 143.

7. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в. М.–Л., 1935, стр. 251–252, 258.
8. Материалы по истории крестьянской промышленности. Изд. Академии наук СССР, 1935, стр. XLVIII.
9. А. Степанов. Крестьяне-фабриканты Грачёвы. Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. Т. I, 1928, стр. 216.
10. Там же, стр. 215–228. Отсюда и последующие данные о Грачёвых.
11. И. И. Власов. Наши города. Иваново-Вознесенская губерния. Т. I, «Основа», 1924, стр. 199–200.
12. В. Н. Кашин. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. Изд. Академии наук СССР, Л., 1934, стр. 23.
13. Полное собрание законов. Т. XX, № 14275.
14. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 145–147.
15. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в.
16. М. Е. Несытов. Очерк XXV-летнего развития мануфактурной промышленности Владимирской губернии, стр. 62.
17. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 161.
18. Госархив Ивановской области. ОДФ. Архивная коллегия документов генерального и специального межевания земель во Владимирской и Костромской губерниях. Оп. 1, д. 2055.
19. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 103.
20. Там же, стр. 166.
21. Труды Владимирской учёной архивной комиссии Книга XII. Владимир, 1910, стр. 29–33.
22. Памятная книга А. Ф. Полушина. Русский архив, 1898, книга 6, стр. 179.
23. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 157, 158.
24. Материалы по истории СССР. Том V. Документы по истории XVIII века. Издание Академии наук СССР. 1957. «Описание промышленно-торговых сёл Иванова и Васильевского, составленное крестьянами земскими вотчинных правлений». Стр. 333–346.
25. Там же, стр. 305.
26. Там же, стр. 306.
27. Там же, стр. 307.
28. Там же, стр. 307.
29. Там же, стр. 317.
30. Там же, стр. 317.
31. Там же, стр. 331–332.
32. Там же, стр. 391.
33. Там же, стр. 392.